

КСАНА М

СЛЕПЫЕ Касания



Издательство АСТ
Москва

УДК: 821.161.1-31
ББК: 84(2Рос=Рус)6-44
К-86

Любое использование материала
данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя
запрещается.

Иллюстрация на обложке —
Ксения Сергеева
Художественное оформление —
В. Давлетбаева
Иллюстрации на форзац и нахзац —
Rivli

К86 **М, Ксана**

Слепые касания: [роман] / Ксана М. — Москва:
Издательство АСТ, 2026. — 448 с. — (Такая любовь).

ISBN: 978-5-17-172002-5

Она: Оставить карьеру, дом, свою жизнь, наконец, и укатить в первый попавшийся на табло аэропорта город? Безумие, но я его совершила. Итог — двести баксов в кармане и один кислотно-зеленый чемодан с наскоро собранными вещами. Как бонус — внезапно привалившая работа, которая в довесок прихватила с собой двухсотфунтовую — плюс-минус — кучу проблем...

Он: Какого хрена я нанял это рыжее недоразумение? Должен был полностью сосредоточиться на карьере — на спорте, на своей команде. Но все, что теперь мог, — думать об этой чокнутой девчонке, которая ворвалась в мою размеренную жизнь словно долбаный торнадо. Я хотел ее — сильно, почти за гранью — и не сомневался, что, как и у природной стихии, у греховной похоти будут гребаные последствия.

УДК: 821.161.1-31
ББК: 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN: 978-5-17-172002-5

© М Ксана., 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава 1



POV Никки

— Эй! — кричу, когда внушительная мужская туша пихает меня и я едва не шмякаюсь на пол международного аэропорта Торонто. — Мог бы и извиниться, козел!

Но мой крик натывается на стенки его не очень большого мозга и отскакивает обратно словно долбанный мячик — неандерталец в светло-бежевых бермудах несется дальше. Хоть бы средний палец показал, что ли — какая-никакая, но все-таки реакция!

— Да где же эта лента?

Оглядываюсь по сторонам, жалея, что выбилась из прилетевшей вместе со мной толпы и зашла в чертов дьюти-фри. Да еще и застряла там на сорок минут.

Боже, я ведь и понятия не имела, что это на самом деле дьявольская бездна и что если попадешься в ее цепкие лапки — пиши пропало.

Вот я и пропала. По незнанию.

Устало выдыхаю, понимая, что жутко проголодалась и хочу в душ, а затем ловлю себя на мысли, что вроде бы уже видела все эти дурацкие указатели.

Блин, я что, брожу по кругу или они тут просто все одинаковые?

Фак.

Фак.

Фа-а-а-ак!

Нужно было заранее изучить схему аэропорта, чтобы не выглядеть глупой коровой.

Но я не изучила.

Потому что неорганизованность была моей ахиллесовой пятой.

— Вам помочь?

Резко поворачиваюсь и едва не сшибаю кого-то своим рюкзаком.

— Простите! Простите, ради бога!

К тому же и неуклюжесть постоянно трется где-то рядом...

Поднимаю глаза и облегченно выдыхаю, узнавая униформу.

— Да! Боже, спасибо! Я заблудилась. Вы не подскажете, в какой стороне зал выдачи багажа?

— Вон в той, — охранник указывает совершенно в противоположную, и я понимаю, что действительно брожу по кругу, — первый поворот направо и по коридору до конца. Лента выдачи будет отмечена электронным экраном с номером вашего рейса. Если возникнут трудности, там рядом есть справочная.

— Огромное вам спасибо! — улыбаюсь, хотя с того самого момента, как мне в паспорт обрушивают печать, только и делаю, что трясусь и думаю о смерти.

Это мой первый полет.

Поэтому за несколько часов в воздухе я умудряюсь испытать целый калейдоскоп эмоций: от суеты и паники при взлете до предсмертной эйфории при

приземлении. А еще прихожу к выводу, что больше никогда и ни за что не взойду на борт самолета.

Не без помощи охранника, но все-таки добираюсь до нужной точки.

Аллилуйя!

Пробегаюсь глазами по экранам, пытаюсь отыскать свой рейс, а затем направляюсь к транспортной ленте, чтобы забрать свой чемодан. Новенький, кислотно-зеленый, он без слов просился ко мне в руки. Поэтому быстро снимаю его с карусели и бреду к выходу.

Аэропорт Торонто «Пирсон» был огромным и оказался на удивление интересным. В терминале 1 можно было посетить выставку скульптур, дисплеи с динозаврами и меняющейся выставкой искусств — кстати, искусство я люблю. А в терминале 3 — посмотреть фильм, представленный на международном кинофестивале.

Помимо всего прочего здесь располагалась куча бутиков и салонов красоты, не говоря уже о ресторанах, в которых хотелось остаться ночевать и, возможно, жить.

Однако проношусь мимо, как чикагский торнадо, и все потому, что в кармане всего пара сотен, а карта заблокирована. Так что я без денег, без работы и без крыши над головой.

И с этими дарами судьбы собираюсь начать новую жизнь.

Остается лишь один вопрос — как?

Решаю не брать напрокат машину и вызываю такси, предварительно узнав, где в этом городе можно снять дешевое, но в то же время приличное жилье. Не сразу. Скорее с боем. Потому что чрезмерно жизнерадостная блондинка, улыбнувшись, предлагает мне

расположиться в пятизвездочном отеле района Блур-Йорквилл со включенными в стоимость абонементом в фитнес-клуб, бассейном и спа-центром за сто долларов в сутки. Всего-то? Затем, поняв, что сто долларов за ночь для меня дороговато, предлагает выбрать между двумя более дешевыми, но тоже неподъемными вариантами за семьдесят пять. С третьей попытки мы доходим-таки до самой приемлемой суммы в тридцать пять долларов в самом обычном районе Торонто с крытым бассейном, бесплатной парковкой и вайфаем.

То, что нужно.

По крайней мере, мое *«более или менее дешевый»* наконец обретает смысл.

С остальным решаю разобраться после горячей ванны и сытного обеда.

Собираюсь попросить контакты отеля, но застываю как вкопанная, когда взгляд перемещается за спину девушки на двух мужчин в знакомой мне униформе. И они не только смотрят точно на меня, но и направляются точно ко мне.

Не успеваю даже ступить на землю Торонто, как уже огребаю на ней проблем.

— Николь Монро?

— Да-а-а, — осторожно протягиваю, моргая. — Что-то случилось?

— Можно взглянуть на ваш чемодан?

Застываю и, раскрыв рот, тупо пялюсь на офицеров.

— Зачем? Я что-то сделала?

— Дело в том, что...

— Я только что прилетела в Торонто, — прерываю их, встряхивая кудрями, — мой рейс задержали, а затем я чуть не опоздала на новый, уснув за столом

«Старбакса». Я устала, хочу в душ и очень голодна. К тому же утром я лишилась любимой работы и не менее любимой квартиры. А еще какой-то придурок выбросил огромный телевизор из своего окна прямо на капот моей машины. В моем кармане всего двести американских долларов, а кредитки заблокированы банком. Я стою в аэропорту незнакомого мне города среди незнакомых мне людей, у меня нет ни работы, ни жилья, ни плана. А вы подходите и просите взглянуть на мой чемодан, будто я бриллиантовая Дорис¹!?

Не считаю себя невменяемой неврастеничкой, но ситуация с нелепой подменой, по видимости, становится последней каплей в череде моих сегодняшних неудач.

— Мисс Монро, другой пассажир сообщил, что по ошибке взял ваш чемодан с транспортной ленты. Мы хотели проверить бирку.

— О. — Прикусываю губу, чувствуя, как меня окутывает душная волна стыда.

Чисто теоретически такой расклад возможен, потому что за то время, что я брожу по аэропорту, за его пределами уже могли объявить о падении метеорита и эвакуировать половину планеты, не то что обнаружить, что ты взял чужой багаж.

Подкатываю чемодан чуть ближе, решительно мотая головой.

— Уверена, это какая-то ошибка. Это мой чемодан.

¹ Бриллиантовая Дорис (Дорис Пейн) — легендарная личность в сфере преступного бизнеса, которая на протяжении 70 лет грабила ювелирные магазины и салоны по всему земному шару. Она никогда не обворовывала бедных, предпочитая совершать кражи исключительно в элитных магазинах.

— Вы проверяли бирку перед тем, как забрать его с ленты? — спрашивает один из офицеров, опускаясь перед моим кислотно-зеленым монстром на корточки.

Э-эм...

— Нет, но это мой чемодан. Я купила его на *eBay*, — гордо заявляю я, будто бы это был «Хэнк»¹ со встроенным аккумулятором.

— Ваше имя Маккейн?

Хлопаю глазами, улавливая в его голосе сарказм.

— Вы ведь знаете, что нет.

— Тогда это не ваш чемодан, — заявляет он, поворачивая ко мне наклейку, данные на которой очевидно расходятся с моим посадочным талоном.

На кислотно-зеленом чемодане, который я все это время считала своим, написано: «*Сиэтл — Торонто. Т. Маккейн*».

Что ж, видимо, при рождении не только меня награждают клеймом «и-пусть-теперь-с-тобой-постоянно-что-то-случается-ухаха».

Кем бы ни был этот Маккейн, он был таким же счастливчиком, как и я.

¹ Чемодан «Хэнк» (Henk) — самый дорогой в мире чемодан (20 000 \$). Состоит из 500 деталей, выполненных из конского волоса, черного дерева, магния, алюминия, титана, углеродистого волокна, парусины и разного сорта кож; у чемодана особый комплект внутренних механизмов и изощренный дизайн.

Глава 2



POV Никки

Этот самый «другой пассажир» жил в роскошном трехэтажном доме (*трех, Карл!*) где-то за основной чертой города. И он любезно предложил предоставить мне машину.

Хлопаю дверцей белого авто и присвистываю, оглядывая внушительные размеры канадского гиганта. Удивительное сочетание простоты, современности, красоты и легкости. Спокойные, неброские оттенки, отсутствие строгих прямых линий, большие панорамные окна и японский ландшафт вокруг — все здесь определенно дышит модерном. И мне даже кажется, что я попала в дурацкие «Сумерки»¹.

У этого Маккейна таки есть вкус.

Водитель помогает мне вытащить из машины чемодан и поднять его по лестнице.

Хотелось бы и мне иметь такую просторную веранду. И такой до охренительности охренительный

¹ «Сумерки» (англ. *Twilight*) — американская фэнтезийная драма режиссера Кэтрин Хардвик по одноименному роману Стефани Майер.

дом. Но я знала, что мне не светит ни то, ни другое. По крайней мере до тех пор, пока я не найду работу. И, судя по запросам в моей голове, — высокооплачиваемую.

Благодарю водителя, встретившего меня в аэропорту, и нажимаю на звонок.

Ожидаю увидеть кого-то из мужчин семейства Каллен¹, но дверь открывает невысокая девушка в облегающем лимонном платье и со светлыми волосами чуть выше плеч.

— Привет. Ты, должно быть, Николь? — Она улыбается будто сошедшая с обложки журнала модель. Киваю, ловя себя на мысли, что ей чертовски повезло с мужем. Ну или кто ее там обеспечивал... — Заходи, — улыбается приветливее, а затем отступает, впуская меня на порог.

Внутри дом оказывается не менее восхитительным, чем снаружи. Все тот же головокружительный модерн — ничем не заменимое ощущение тепла и чувства, что с тобой говорит сама природа. Да, я определенно хотела бы здесь жить.

— Прости, пожалуйста, что так получилось. Я немного рассеянная, это мой крест.

Она забавно хмыкает, а затем представляется:

— Кстати, я Тейлор. Тейлор Маккейн.

Т. Маккейн.

Так, значит, эта девушка и есть хозяйка чемодана. Хах, а я уж было размечталась. Вернись с небес на землю, Никки. Это жизнь, а не «Дисней».

— Ничего, — отвечаю я, пододвигая к ней *своего* — *ее* — кислотно-зеленого монстра. — Я просто не дума-

¹ Семейство Каллен — клан вампиров-вегетарианцев романа Стефани Майер «Сумерки».

ла, что кому-то еще, кроме меня, приглянется это репоголовое¹ чудище.

— Репоголовое?

Поднимаю на недоумевающую Тейлор взгляд.

— «Охотников за привидениями» смотрела?

Она как-то неопределенно мотает головой.

— Забудь. — Я натягиваю глупую улыбку, опуская подробности о том, что назвала свою дорожную сумку Лизуном. — А мой чемодан? Он здесь?

— Ах да! — Она заворачивает куда-то за угол, и всего через пару секунд я уже слышу знакомый треск катящихся по ламинату колесиков. — Прости еще раз, что так вышло. Мне очень неловко. У тебя, наверное, своих дел по горло, а вместо этого пришлось ехать ко мне и терять время.

Полно, ага — зашиваюсь.

— Все нормально.

Тейлор снова улыбается, и я задумываюсь о том, что, скорее всего, у этой девушки нет отбоя от парней. Она молода — моложе меня, лет двадцати. Красива — даже очень. Хрупкая, милая, с выраженным чувством стиля, образованная (это видно сразу), а ее характер, по-видимому, не напоминает тропический шторм. Мечта красавчиков, не иначе.

Не то что я. Высокая худощавая вобла с довольно буйным нравом, несуразной рыжей шевелюрой, бледной кожей и — как говорила мама — «солнцем зацелованной мордашкой». Хотя, как по мне, это больше походило на чью-то неудавшуюся шутку.

¹ Репоголовый, или Лизун (англ. *Slimer*) — зеленый призрак, полностью состоящий из эктоплазмы, и первый призрак, успешно пойманный «Охотниками за привидениями». Лизун известен своей прожорливостью и слизью, которую оставляет, проходя сквозь стены и прочие твердые объекты.

Проклятые веснушки.

Я так люто ненавижу их, что готова удушить.

— Спасибо, Николь.

— Никки, — поправляю Тейлор, — просто Никки.

Она собирается что-то сказать, но затем ее глаза внезапно расширяются.

— Никки? Никки Монро? Та самая «слепая» художница из Огайо?

Черт. Роб прав: популярность бежит впереди меня. И даже тот факт, что я терпеть не могу фотографироваться и общаться с журналистами, не спасает от раздражающей узнаваемости.

— Боже, поверить не могу! Как же я сразу тебя не узнала! — Тейлор так резко прыгает ко мне, что я отшатываюсь и едва на опрокидываю вазу позади себя. — Ты такая талантливая! Я обожаю твои работы!

Ну-у-у...

— Это очень приятно, но...

— Ты не могла бы расписать несколько комнат в этом доме?

Что? Теперь моя очередь хлопать глазами как корова.

— Э-эм...

— Я, конечно же, заплачу. Только назови цену.

Расписать несколько комнат? Серьезно? Вот так просто? Будто я Линда Вайлдер¹, не меньше. А я всем не Линда. Даже близко.

— Я... не уверена, что смогу.

¹ Линда Вайлдер — канадская художница. Линда обожает писать пейзажи, а мастихин — один из любимых ее инструментов. Яркие, точные мазки, тонко подмеченные оттенки и линии — картины Линды есть в корпоративных и частных коллекциях в Канаде и по всему миру.

— Почему? — Тейлор явно моему отказу не рада. — Твой агент не согласится? Я слышала, что ты занята до конца года, но подумала, что, возможно, мне повезет. К тому же как удобно, что мы встретились здесь! И прямо в моем доме! Что это, если не судьба?

На самом деле причина вовсе не в моем агенте, которого у меня больше нет. И не во всех этих фешенебельных заказах, от которых я отказалась, когда ушла от Роба. А в том, что я никогда не работала сама на себя. И просто не знала, смогу ли.

Мне нужно время. Поэтому я и *здесь* — чтобы решить, как быть дальше.

— Мисс Маккейн...

— Тейлор, — поправляет она, и я киваю.

— Тейлор. Я планировала немного отдохнуть от работы, поэтому и приехала в Торонто. Мне бы не хотелось сейчас брать новые заказы.

Тейлор грустно улыбается, а затем слабо выдыхает.

— Понимаю. Ты много работаешь. Вполне нормально, что в свой отпуск тебе не хочется вновь размешивать краски.

Нет, не нормально. По крайней мере для меня. Я рисую сколько себя помню. С того самого дня, как научилась держать в руках кисть. И рисую постоянно — всегда, — в любом состоянии: когда расстраиваюсь, злюсь, радуюсь или думаю. И не могу представить ни одной причины в этом мире, которая отвернула бы меня от того, чем я дышу и живу.

И я отлично знаю, что будет, если я откажусь от предложения, которое нужно мне даже больше, чем я думаю. Я сниму какую-нибудь захудалую комнатку в простеньком пригородном мотеле, достану свой альбом, краски и снова буду рисовать. Потому что в ином случае я буду уже *не я*.

— На всякий случай. — Сморгнув свои мысли, опускаю глаза на визитку, которую протягивает Тейлор. — Если вдруг передумаешь.

Пальцы сжимают тоненький картон инстинктивно, и я не нахожу этому объяснений. А затем так же быстро хватают чемодан. Прощаюсь с Тейлор и сажусь в машину, чтобы личный водитель богатенькой Маккейн отвез меня туда, куда моя душа пожелает. По ее, к слову, приказу. И все это очень мило и благородно, только вот вся фигня была в том, что я даже адреса этого места не знала.

Харви — так звали приятного парня за рулем — замечает мое замешательство и каким-то образом понимает, что ехать мне некуда. Мы перекидываемся парой ничего не значащих фраз, а затем он отвозит меня в самый недорогой отель, который знает. Я снимаю самую простую комнату, принимаю душ, а затем, дожевывая сэндвич с тофу, достаю скетчбук. Усаживаюсь в широкое мягкое кресло, завязываю на глазах желтую повязку и, опустив кисть в краску, делаю первый мазок.

Мир. Огромный и удивительный, в котором океан может быть и мелководным, и бездонным одновременно. В котором небо плачет и смеется, тьма граничит со светом, а любовь — с болью. Мир, в котором нет и не будет какого-то единого восприятия. Мир, в котором всё вокруг — жизнь. И ты сама и есть жизнь.

Я идиотка. Причем безнадежная. Отказаться от буквально упавшей мне с неба возможности зарабатывать денег и, быть может, встать наконец на собственной путь? Легко! У меня ведь еще куча других вариантов, так? Например, умереть от голода в этой крошечной комнатке, доказав своему агенту — и все-

му миру, — что я ничего без его поддержки не значу. Страйк. Совсем как ты и говорил, Роб...

Выдыхаю, стараясь успокоиться, но пальцы все равно содрогаются, и капли краски неизбежно брызгают на кожу.

Да, я идиотка.

И мне очень, просто невероятно страшно.

С другой стороны, больше всех рискует тот, кто никогда не рискует, так? Не помню, где слышала эту фразу, но сейчас она как нельзя лучше мне подходила.

Я уехала из Огайо, чтобы очистить голову и все начать сначала. Уехала, не думая о том, вернусь ли. Но сейчас понимала — я не хочу обратно. Не хочу к прежней жизни. Не хочу к Робу и всему тому, что, как мне кажется, сумела оставить позади. Остается лишь вдолбить в свою глупую голову, что для того, чтобы в мою жизнь ворвалось что-то новое, нужно перестать выстраивать вокруг себя стены и позволить этому новому войти.

Кусаю губу и тянусь к тумбочке за трубкой стационарного телефона.

Не снимая повязки, набираю номер с визитки — запомнила его еще в машине, потому что, пока ехали до отеля, не переставая пялилась на цифры и сомневалась, — а затем прислоняю динамик к уху и, кажется, в самом деле забываю, как дышать.

Через двадцать минут после нашего с Тейлор разговора я уже стою на крыльце ее шикарного дома, готовясь сделать свой первый в жизни самостоятельный шаг.